

Те, кто шёл по следу, давно скрылись из виду, однако ни один из них не спешил отстраняться.

Се Юйсуй выпрямился и заглянул в лицо стоявшему вплотную мужчине:

— Пользуясь тем, что вокруг ни души, поведайте мне, глава ордена Сюнь, что вы задумали на самом деле. И избавьте меня от басен про отдачу долга благородства. Если бы вы рисковали жизнью ради глупой признательности, в Цзянху вас не проклинал бы каждый встречный.

Сюнь Хайши негромко рассмеялся:

— Ваше Высочество всё решили за меня, даже лазейки для оправдания не оставили. Скверная привычка. Вы так легко называете врагов, князь. Неужели в царстве Ци никто до сих пор не пытался строить вам козни?

— Глава ордена Сюнь и сам не привык оставлять себе путей к отступлению. Уж не спланировали ли вы всё с первой нашей встречи?

— Вы слишком высокого мнения о моих скромных силах, князь, — Сюнь Хайши покачал головой. — Я, конечно, не глуп, но и всемогуществом не обладаю. Как бы я предугадал ваш путь? Вверять собственную жизнь призрачному, непредсказуемому плану — увольте. Я слишком дорожу собой и жутко боюсь смерти.

Се Юйсуй холодно усмехнулся и сделал шаг назад.

— У Фэна благополучно вытащили. Говорите прямо, глава ордена Сюнь, чего вы от меня хотите теперь. К чему эти вечные интриги? От них лишь устаёшь.

— Не понимаю, о чём вы, — притворно вздохнул Сюнь Хайши. — Я тяжело ранен, отравлен редким ядом и выживаю лишь по вашей милости. Стал бы я плести против вас заговоры? Если я и замышлял что-то, так только надежду на то, что Его Высочество укроет меня от невзгод ещё какое-то время. Вот как сегодня: не явись вы вовремя, те ищейки непременно прибрали бы меня к рукам. Увы, здоровье моё слабо, уповаю исключительно на великодушие князя.

На самом деле силы Сюнь Хайши были на исходе. В голове шумело, мысли путались, превращаясь в вязкую кашу. Меридианы, лишившись подпитки, опустели, и затаившийся в них чёрный яд, больше не сдерживаемый внутренней силой, стремительно разъедал каналы ци. Тело пронзала столь свирепая боль, что прежние мелкие порезы и ссадины теперь казались сущим пустяком.

Он держался на одном упорстве, заставляя себя отвечать Се Юйсую, и не лишался чувств лишь благодаря последним крохам самообладания.

— Вы, глава ордена Сюнь, хороши не только лицом, но и речами. Интересно лишь, окажется ли

ваше нутро столь же пленительным, если выпустить его наружу? — Се Юйсуй медленно провёл пальцами по щеке Сюнь Хайши, очерчивая её острый контур. — Поразительно лживая внешность.

Даже сквозь пелену изнеможения Сюнь Хайши уловил перемену в настроении собеседника. С его лица мгновенно слетела напускная весёлость. Он посерьёзnel и спросил прямо:

— Что стряслось? С У Фэном что-то случилось?

Никакой другой причины для подобной холодности он представить не мог.

— С У Фэном всё в полном порядке. Вы ведь так дальновидны, глава ордена Сюнь. Рассчитали каждую мелочь — с чего бы плану рушиться из-за такого пустяка?

— Что вы пытаетесь сказать? Хватит ходить вокруг да около, — в голосе Сюнь Хайши прорезалось глухое раздражение. Чтобы не рухнуть, он ухватился за неровный выступ кирпичной кладки, силясь удержать ускользающее равновесие.

Ноги налились свинцом и подкашивались — он был на пределе.

Се Юйсуй лишь усмехнулся в ответ:

— Мне любопытно узнать лишь одно: какую смертную обиду вы на меня затаили, раз затеяли всё это?

Сюнь Хайши мгновенно почуял неладное.

— Не желаете признаваться? Что ж, тогда позвольте мне разложить всё по полочкам, — продолжал Се Юйсуй. — Не будем ворошить прошлое, поговорим о недавнем. Рана на животе Лян Хунцзе — ведь это ваша работа? Вы убили его и подставили У Фэна, но меня при этом вывели из-под удара. Значит, моя смерть вам не нужна. Тогда к чему всё это? Пытались удержать меня здесь?

— И тот таинственный вестник, что принёс весть в царство Ци... Неужели он тоже ваш человек? — ладонь Се Юйсуй медленно переместилась на горло Сюнь Хайши.

Кожа под пальцами казалась ледяной, а пульс прощупывался едва-едва. Сюнь Хайши словно растерял последнее человеческое тепло, пока они оставались на улице.

Впрочем, этот человек и прежде не отличался душевным теплом. Слухи в Цзянху часто преувеличивают, но в случае с Сюнь Хайши они явно приуменьшали его истинную натуру.

Назвать его «печально известным» было бы слишком мягко.

— Когда вы подбросили кинжал в комнату постоянного двора? Наняли людей, пока мы ещё отдыхали в таверне за городом? Вы сумели провернуть всё прямо под моим носом. Воистину, коварству главы ордена Сюнь нет предела.

Хватка на шее сжалась сильнее, перекрывая дыхание. Сюнь Хайши судорожно хватал ртом воздух, силясь сделать хоть вдох через узкий просвет в сдавленном горле.

«Какое жалкое зрелище», — мысленно усмехнулся Сюнь Хайши над собственным бессилием.

Собрав последние крохи сил, Сюнь Хайши рванулся всем телом, перехватил запястье противника и нанёс резкий удар ногой. Се Юйсуй разжал пальцы и отпрянул, уклоняясь, но тут же заблокировал ответный выпад и стальным захватом перехватил его руку.

Отбив ещё пару ударов, Сюнь Хайши навалился спиной на стену, едва успев уклониться от нацеленных в горло пальцев. Жадно глотая воздух, он выдохнул:

— Его Высочество князь Юй, а вы сами разве не платите злом за добро? Я только что помог вам выбраться целым и невредимым из Управления по умиротворению, организовал побег из тюрьмы, а в ответ получаю это?

Он бессильно опустил руки, прекращая борьбу, и привалился к стене, подставив под удар тонкую бледную шею:

— Что ж, воля ваша. Забирайте мою жизнь, раз так угодно. Всё равно сил сопротивляться у меня нет. Казните или милуйте — мне безразлично.

Се Юйсуй горько усмехнулся. Вид безразличного, готового ко всему Сюнь Хайши вызвал у него неожиданное чувство бессилия. Князь знал сотни способов расколоть любого упряма, но против этого хрупкого, точно фарфоровая кукла, человека все его методы казались бесполезными.

Сюнь Хайши был слишком слаб. Князь лично проверял его пульс и знал, что за напускной стойкостью скрывается угасающая жизнь: внутренние каналы Сюнь Хайши были истерзаны в клочья. Без срочного лечения его и убивать не придётся — сам испустит дух через пару дней, и тело останется лишь выбросить на растерзание бродячим псам.

И всё же этот умирающий калека ухитрился обвести его вокруг пальца.

Поскольку раньше их пути не пересекались, Се Юйсуй, хоть и догадывался о непростом нраве попутчика, не ожидал от него столь изощрённой игры.

У всякого следствия есть причина, но они столкнулись с последствиями ещё до того, как поняли, в чём кроется корень бед.

— Раз так, спрошу без прикрас, — Се Юйсуй заглянул в глаза Сюнь Хайши. — Тот тайный призыв явиться в Юнчжоу — это ваших рук дело?

Поначалу Се Юйсуй не питал к Сюнь Хайши излишней подозрительности. Да, тот славился непредсказуемостью, но долг признательности обязывал доверять ему хотя бы отчасти. Именно поэтому, когда Сюнь Хайши велел уходить первым, князь после мимолётного колебания всё же последовал совету.

Однако едва покинув стены Управления по умиротворению, Се Юйсуй почувал неладное. Охраны снаружи было предостаточно, но когда они с Ляо Лу скользили по крышам, никто из стражников даже головы не поднял.

Время поджимало, и князю пришлось подавить нарастающие сомнения. Оказавшись в безопасности, он не стал бросать Сюнь Хайши на произвол судьбы: приказал Ляо Лу разыскать людей за городом для подстраховки, а сам поспешил к городской тюрьме.

Удалось ли Павильону Небесной Оси вытащить У Фэна или нет, следовало убедиться лично.

У Фэн действительно ждал его в переулке неподалёку от тюремных ворот. Рядом с ним высилась фигура молодого человека, который при приближении князя отвесил почтительный поклон и растворился в ночи прежде, чем тот успел подойти ближе.

Очевидно, это был соглядатай из Павильона Небесной Оси.

Одного взгляда на У Фэна хватило, чтобы понять: суровых испытаний в неволе он не претерпел. Разве что немного осунулся да запылится, но никаких следов пыток на нём не было.

Едва юноша скрылся, У Фэн помрачнел и, понизив голос, обратился к Се Юйсую:

— Ваше Высочество, чем больше я думаю об этом, тем сильнее укрепляюсь в мысли, что нас нагло подставили.

В чём именно крылся подвох, он до конца не понимал. Лавочник с постоянного двора скончался от кровохарканья на следующий же день после ареста.

Все ниточки оборвались, и любые оправдания У Фэна стражники воспринимали как пустую болтовню. Сколько бы он ни доказывал свою невиновность, его попросту перестали слушать,

обращаясь с ним как с пустым местом.

Страннее всего было то, что «особо опасного убийцу» никто и пальцем не тронул. Еду приносили строго по часам — пусть и самую простую тюремную похлёбку, но вполне свежую.

Помня о страшной кончине лавочника, У Фэн поначалу вообще боялся притрагиваться к еде: вдруг отравят, а потом спишут всё на самоубийство от угрызений совести? Так и сгинешь ни за что, оболганным. Потому по ночам он терпеливо ждал, пока из щелей вылезет крыса, скармливал ей часть тюремной похлёбки и лишь затем, убедившись, что серая тварь жива-здорова, решался съесть немного сам.

— Ваше Высочество, тюрьма здесь какая-то неправильная. Разве в царстве Чжу со смертниками обходятся так мягко? Я не прошу дыбы и плетей, но чтобы преступников просто кормили и больше ни о чём не спрашивали — такое я вижу впервые.

Се Юйсуй происходящее тоже казалось подозрительным. Возможно, господин Лян распорядился сохранить пленника в целости, но к чему такая деликатность? У Фэн вины не признал, и если доставить его в Восточную столицу без единого признательного показания, это лишь бросит тень на местных чиновников Юнчжоу и доставит им лишние хлопоты.

Загадка пока оставалась неразрешимой. Се Юйсуй велел У Фэну скрыться в надёжном месте за городскими стенами, а сам поспешил обратно к Сюнь Хайши, однако на полпути наткнулся на Ляо Лу.

— Ваше Высочество, к Управлению по умиротворению сейчас лучше не соваться.

— Почему? — сердце князя пропустило удар. Неужели опоздал, и случилось непоправимое?

Смерть Сюнь Хайши сама по себе не заставила бы князя горевать — если только тот не погибнет прямо сейчас, спасая его собственную шкуру.

— Сюнь Хайши словно с ума сошёл, вырезал чуть ли не половину усадьбы. Причины я не знаю, но... — Ляо Лу замялся, собираясь с мыслями. — Я направлялся к загородным заставам за подмогой, да только стража на воротах Юнчжоу никого не выпускает. Поняв, что провести людей незамеченными не выйдет, я повернул назад. Пробравшись во двор резиденции, я увидел, как оттуда в панике бегут уцелевшие слуги. Внутри всё было залито кровью. Близко подходить я не рискнул, поскольку там был кто-то ещё. Мне удалось расслышать лишь обрывки их разговора...

— О чём они говорили? — быстро спросил князь.

— Сказали... что это Сюнь Хайши подослал человека в царство Ци с тем самым посланием.

И теперь, глядя на стоящего перед ним Сюнь Хайши, Се Юйсуй не мог выкинуть из головы слова соратника.

Таинственным вестником, заманившим его в этот проклятый Юнчжоу ради какого-то письма, всё это время был Сюнь Хайши?!

Се Юйсуй сделал резкий шаг вперёд, и его пальцы безжалостно сомкнулись на горле Сюнь Хайши.

Сюнь Хайши едва касался земли носками сапог, из последних сил удерживаясь, чтобы не повиснуть в удушающей хватке. Горячая ладонь обжигала шею, пальцы глубоко врезались в кожу, причиняя острую боль.

В отдалении бушевало пламя, окрашивая ночное небо в багровые тона.

Се Юйсуй чувствовал, как угасает пульс под его рукой. Зрачки Сюнь Хайши расширились, а сам он обмякал, лишаясь сил.

Внешние уголки его глаз, обычно задорно приподнятые, теперь бессильно опустились, отчего выражение лица казалось на редкость беззащитным и жалким. Тонкие багровые царапины с надорванными краями уродливыми росчерками портили безупречную белизну его кожи.

Он попытался слабо улыбнуться, но едва слышный смешок тут же перерос в надсадный, мучительный кашель.

Тёмная, почти чёрная кровь тонкой струйкой потекла из уголка его губ, пачкая рукав Се Юйсуй.

Веки становились невыносимо тяжёлыми. Прежде чем окончательно лишиться чувств, Сюнь Хайши судорожно глотнул крупы воздуха и прохрипел:

— Убьёшь меня... и никогда не увидишь то, ради чего явился...

<http://bllate.org/book/20070/2001645>